

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ТЕКСТ ГЛАЗАМИ ФЛАНЁРА (контекст Кёнигсберга в тексте Калининграда)

С. А. Смирнов

Институт философии и права Сибирского отделения РАН,
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Поступила в редакцию 21.04.2025 г.

Принята к публикации 15.07.2025 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-4-3

Осуществлена попытка представить город как текст и контекст, создаваемый городом и горожанами, для того чтобы осмыслить собственное место и время. На примере феномена «петербургского текста» и становящегося «кёнигсбергского-калининградского текста» показано, что эти тексты выполняют в культуре роль рефлексивной формы-зеркала, помогающей городу осмыслить себя. Исследуя поэтику Иосифа Бродского, автор демонстрирует, как сквозь калининградский текст явно просвечивает кёнигсбергский контекст, без которого современный город не виден и не чувствуется. Автор одновременно приходит к выводу, что привычных средств для понимания и осмысления человеком города и себя в городе недостаточно. Необходимы новые метафоры и средства, помогающие понимать город. К таковым относятся пористость, ритм, отпечатки. Приводится базовая метафора города как пористой губки. Представлен феномен фланёра как особой фигуры, более подходящей для феноменологического погружения в городскую повседневность. На примере современного Калининграда показываются эпизоды жизни повседневного города и обосновывается необходимость возвращения городу человека, соразмерного ему.

Ключевые слова: город, городской текст, Иммануил Кант, Иосиф Бродский, Калининград, калининградский текст, Кёнигсберг, петербургский текст, фланёр, человек

1. Фланёрство как метод

Давно известно, что городу нужен свой горожанин. А горожанину нужен свой город. Человек живет в городе, а город в человеке. Как они уживаются? Как человек познаёт свой город, как он его читает? И кто он, этот читатель города? Если принять простое допущение, что город не объект для человека, а его дом и его всегда читаемая книга, то вроде бы читатель должен быть достоин своей книги, которую постоянно воссоздает. Таковым читателем, чутким инструментом, может быть не ученый-наблюдатель и не зевака-ротозей, а фланёр, который становится барометром своего города, тонко чувствующим ритмы и пульс живого организма, даже, можно сказать, — его органом. Попробуем на примере калининградского текста рассмотреть этот пример проникновения человека в пористую губку города, задавая рамочные вопросы: как удержать целое города в индивидуальном путешествии, сосредоточенном на деталях? как почувствовать ритм этого города, не уходя в соблазн сравнений и оценок? что означает для пешехода-горожанина



становиться органом видения и чувствования города? Жанр статьи в этой связи скорее похож не на бесстрастное описание города-объекта, а на феноменологические дневниковые заметки автора, попавшего вовнутрь города и пытающегося стать его внутренним чувствилищем.

2. Станный город

Калининград — странный город. Ты ходишь по его улицам, топчешь его асфальт, заходишь в подворотни, бродишь по закоулкам, но тебе периодически кажется, что вокруг маячит какой-то другой город, своей тенью намекая на иную, скрытую, символическую реальность. Ты смотришь вокруг себя и пытаешься увидеть силуэт другого города — того, который был разрушен и стерт с лица земли в 1944—1945 годах. За Калининградом все время маячит Кёнигсберг. Значимость Калининграда все более растет по мере обретения более точных и зримых очертаний этого силуэта, по мере восстановления памяти о том городе. Миф Кёнигсберга придает реальности Калининграда особую остроту. Миф старого города для многих более значим, чем повседневность Калининграда. А восстановление памяти Кёнигсберга делает все более интересным сам Калининград. Тень Кёнигсберга растет, высится, вышшаается над Калининградом и делает его историю все более реальной и осязаемой. Так и хочется сказать: «Пепел Кёнигсберга стучит в сердце Калининграда».

Мы всё время держим в своем внимании два К — Кёнигсберг (K1) и Калининград (K2). И даже если мы знаем и понимаем, что того города не вернуть никогда, он все время нами восстанавливается в нашей памяти и никуда от нас не уходит. А благодаря таким гениям места, как великий Иммануил Кант, город все более становится нам ближе в своем образе.

Обломки Кёнигсберга плавают в теле Калининграда, иногда сросшиеся с ним, а иногда чуждые, как осколок в теле солдата. Память прежней судьбы города остается, словно фантомные боли ампутированной ноги. Иначе как объяснить, почему Кёнигсберг, прекративший физическое существование и пребывающий только лишь в символической форме, в памяти..., почему он витает и никуда не собирается исчезать? Он остался городом-призраком, тенью отца Гамлета (Попадин 2010, с. 44).

Важнейшую роль в таком воскрешении играет Кант, чья могила у Кафедрального собора сохранилась даже во время бомбежек и артобстрелов в 1944—1945 годах. Сначала наш взгляд останавливается на этой великой фигуре, а затем скользит по очертаниям тени Кёнигсберга. Именно Кант делает имя своему городу, делает его героем, хотя города давно уже нет. Но философия Канта есть, его тексты и рукописи, его музей, его вещи...

Восстанавливая биографию философа, его труды и дни, его прогулки и места обитания, мы восстанавливаем тот город, его город, и через это — мы восстанавливаем и оживляем город, получивший другое имя. Сначала город рождает философа. А затем философ возрождает



ушедший, казалось бы, в небытие город в многочисленных, зачастую превращенных формах. Тело философа уходит, а дух и память о нем затем, после его земной жизни, возрождает и сам город¹.

И удивительное дело, именно тот город, К1, порождает новый текст, городской текст, какой мы знаем в культуре. Как мы знаем «петербургский текст», так мы постепенно создаем и «кёнигсбергский текст», точнее, контекст, проступающий сквозь «калининградский текст».

«Кёнигсбергский текст» отличается от «петербургского текста» тем, что последний не утратил своего тела, своего источника, а тело первого было убито, уничтожено. Мы пишем «калининградский текст» на теле, которого нет, корябаем эту татуировку на отсутствующем теле. Едем по Калининграду, а подразумеваем Кёнигсберг, как в стихах у Иосифа Бродского, о которых мы поговорим ниже.

Город ушел, а остался, точнее, всякий раз создается знак города; еще точнее, не его текст, а его контекст, вплетенный в текст уже другого города, его младшего брата. Культурно-символическое тело города не держится на его материальном остоле, а сохраняется в сугубо знаково-символической форме, в идеальной форме сознания.

Никакой полной сохранившейся физической реальности за этим символическим телом уже почти нет, но она создается по архивным документам и воспоминаниям, создается контекст города, который пишется по памяти. Разумеется, как бывает во всяком изложении по памяти, рождается свой, новый Миф Кёнигсберга, без которого Калининград существовать уже не может.

Мы грезим Кёнигсберг при реальном Калининграде. Нам хочется быть в этих грезах, нам важно восстановить тот исток, который рождал тот город, чтобы себе вернуть человечность. Мы просим прощения у города за то, что убили его, просим вернуть его себе. Разумеется, это нереально, но доступно в символическом пространстве, в практиках памяти, в наших грезах и мифах. Как реально воображение в «грезах духовидца» у Канта².

Кант своей трансцендентальной мыслью поднял город на метафизическую высоту, вытащил его из хляби и болотного морока ввысь, к «звездному небу», и прибил его образ к небосклону своим нравственным законом. А уйдя из этого мира, он поставил точку-крепь, своей мо-

¹ См. подробнее нашу статью по темам «Философ и город» и «Кант и Кёнигсберг»: (Смирнов 2025).

² И. Кант в своей философии как публичном (городском!) действии (прогулки, обеды, публичные лекции, активное гражданство) скрыл понятие города. Город возрождается силой продуктивного воображения. Способом возрождения становится фланёрство, пешеходная антропология. Реконструируя прогулки Канта, одного из первых европейских фланёров, мы реконструируем тот город, в котором он жил. Гуляя по городу, силой продуктивного воображения выстраивая «путеводитель по переименованному городу», мы восстанавливаем сам город, его образ. Как философ Кант мостил город своими каблуками или философ Бенджамин мостил Париж своим фланёрством, мы реконструируем образ ушедшего города, что позволяет нам в теле уже нового города реконструировать и совершать новые практики горожанства, практики совместной жизни, мысли и действия.



гилой буквально спасая город и Кафедральный собор от гибели. Могила стала местом спасения города, местом кристаллизации и новой символической сборки города.

Наверное, это происходит и потому, что реальный Калининград никак и никогда не заменит нам убитого Кёнигсберга. Было время после войны, когда город, оказавшийся на краю империи, хотели сделать ее форпостом и образцовым советским городом. Этого не получилось. Наверное, теперь, в новое время, в период возвращающегося исторического самосознания и восстановления памяти, этот город получит-таки новое дыхание. Но до этого долгое время город никак не мог и не может до сих пор освободиться от тени Кёнигсберга.

Томас Венцлова, литовский поэт, которому Иосиф Бродский посвятил свои «кёнигсбергские» стихи, весьма пессимистично писал об этом:

Предполагалось, что на месте прусской твердыни возникнет — или уже возник — новый, чисто советский город, история которого будет начинаться с 1945 года. В действительности же Калининград оставался царством руин, равног которому не было в Европе и, вероятно, в мире (особенно после того, как все остальные европейские города были восстановлены). Из медиатора между Западом и Востоком он превратился в советское захолустье: прежние связи были оборваны, от Германии и Польши город отделил строжайший кордон. Даже для жителей Советского Союза Калининград был изолированным, не слишком доступным местом. <...> О прошлом напоминала, пожалуй, только могила Канта в ограде разрушенного собора. Согласно ходячему анекдоту, кто-то на ней написал: «Теперь Кант знает, что мир материален» (Венцлова 2002, с. 51).

Впрочем, надписи, оставленные на могиле Канта, не анекдоты, а реальность. Они были разного содержания. Это удивительный случай — текст, написанный на могиле философа русским солдатом. Как будто он конспектировал великого немца и оставил на полях его сочинения жизни свой комментарий (рис. 1).

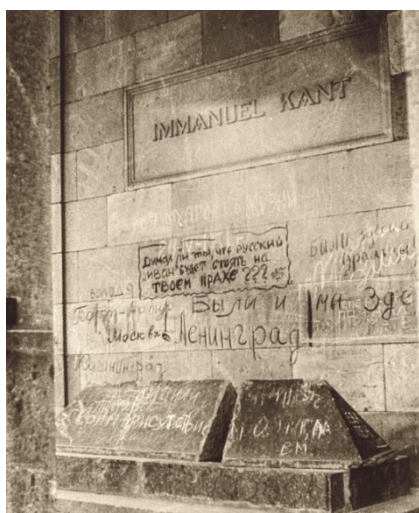


Рис. 1. Могила Канта в 1945 году. Надпись на стене: «Думал ли ты, что русский Иван будет стоять на твоём прахе??». Из открытых источников



Кёнигсберг до сих пор хранится в картинках, старых, довоенных фотографиях, архивных документах и воспоминаниях жителей. Например, таким его помнил еврейский мальчик Михаэль Вик, чудом спасшийся от еврейских погромов и от бомбардировок британской авиации в 1944 году:

Город словно из сказки, Кёнигсберг всем покорял детское воображение. В центре располагался внушительный замок, перед ним стоял громадный Вильгельм I в короне и с поднятой саблей. В четырехугольном дворе замка имелся винный погребок с пугающим названием «Кровавый суд». Неподалеку можно было взять напрокат лодку, чтоб покататься по красивому замковому пруду, в котором плавали утки и лебеди. Живописные подъемные мосты через реку Прегель, из-за которых мы частенько опаздывали в школу, вели к лежащему в центре города острову. Назывался он Кнайпхоф, и над ним величественно возвышался старый кафедральный собор. Там я, совершенно потрясенный, впервые в жизни слушал «Страсти по Матфею». У стен собора покоится философ Иммануил Кант, слова которого отлиты на памятной доске, укрепленной на стене замка. Восторженные слова о звездном небе — им я тоже восхищался, и о присущем человеку моральном законе — его я впоследствии искал, но всегда тщетно, так что разуверился в его существовании (Вик 2004, с. 44).

Итак, мы постоянно читаем место своего обитания, читаем город, в котором живем. Читая, потом порожаем уже свой разнообразный городской текст, создавая в нем образ своего города.

Как же читать город? Какими глазами? Становится ли порождаемый нами текст тем рефлексивным методом, с помощью которого мы осмысливаем уже себя и свой город? Ответы на эти вопросы уже были. Известным примером такого городского текста выступает «петербургский текст».

3. Петербургский текст как зеркало города

Понятие «петербургского текста» (далее — ПТ) давно стало рабочим и работающим. В нем Петербург представлен персонажем, героем художественных текстов (Топоров 1993). В.Н. Топоров на материале русской литературы реконструировал феномен ПТ как некоего метатекста:

Петербургский текст... будучи неким метафизическим конструктом... сам выступает как сверхплотненная, сверхэмпирическая реальность высшего порядка, сверхреальность, которая позволяет увидеть в ее зеркале конгениальный ей «фантастический» (как говорил Достоевский) город, его последнюю смысловую глубину, которая, в свою очередь, открывает телеологическую, провиденциальную доминанту города (Топоров 1993, с. 222).

Петербургский текст выполняет роль зеркала, в котором отражается город. Отгалкиваясь от своего отражения, он отслаивается от своей земной вещности и приподнимается к духовному верху. Литературный текст выполняет роль устройства для перехода из земной тверди и вод-



ной хляби — в небесную высь. Читатель через ПТ приподнимается и живет уже в реальности образа, в «Петербурге» Пушкина, Достоевского, Гоголя...

Городу, любому городу, чтобы становиться собой как городом, нужна такая рефлексивная форма зеркала. Без нее город не может осмыслить себя, не сможет стать самим собой. Ему просто трудно стать собой без такой знаково-символической рефлексивной формы.

Несколько позже, независимо от В.Н. Топорова, поэт Иосиф Бродский в эссе «Путеводитель по переименованному городу», вошедшем в сборник «Меньше единицы», также ярко выразил эту идею — русская литература как рефлексивное зеркало города, в которое город смотрит и осознаёт себя как Город (Бродский 1999)¹. Бродскому работа Топорова была недоступна. Переключка ученого и поэта весьма знаменательна.

Бродский яркими метафорическими мазками обрисовал свой образ литературного зеркала города. Он должен был американскому читателю показать, чем для России был Петербург, созданный с самого начала непривычно, на границе империи, и какое последствие это имело для литературы.

Фактически русская литература здесь и родилась, на берегах Невы. <...> Как нередко случается с человеком перед зеркалом, город начал впадать в зависимость от своего объемного отражения в литературе. <...> с врожденной нервозностью нарциссиста город впивался все более и более пристально в зеркало, проносимое русскими писателями... сквозь улицы, дворы и убогие квартиры горожан. К середине 19 века отражаемый и отражение слились воедино: русская литература сравнялась с действительностью до такой степени, что когда думаешь о Санкт-Петербурге, невозможно отличить выдуманное от доподлинно существовавшего (Бродский 1999, с. 79, 81).

Разумеется, полагает поэт, что сначала должен был родиться этот особый, странный, не пригодный для жизни, город-резиденция, город-крепость, в котором и стали жить тоже странные жители, непохожие на русский люд в старых городах, непохожий на купцов, крестьян, рабочих. Но эти странные герои и стали заселять страницы русской литературы:

...все они — отставные офицеры, бедные вдовы, ограбленные государственные чиновники, голодные журналисты, униженные писари, туберкулезные студенты и так далее, — увиденные на фоне безусловно классических, утопических портиков, преследовали воображение писателей и наводняли первые главы русской прозы (Там же, с. 80).

Сначала на границе воды и суши родился город, город-камень, а в нем рождалась странная, не привычная для континентальной сухой,

¹ Сборник вышел в 1986 году в США на английском и был предназначен прежде всего для американского читателя. Топоров, судя по всему, не был знаком с этим эссе, когда дорабатывал в 1993 году свой «Петербургский текст», написанный еще в 1971 году.



равнинной русской земли, литература, которую не могла породить Москва. Сам феномен пограничности будоражил воображение художников, что воплощалось в новых художественных формах, становящихся в свою очередь зеркалом этого странного города, нуждающегося в отражении. Последнее взяла на себя литература, ставшая художественной формой рефлексии. Город же, пристально всматриваясь в свой странный образ, отражаясь в литературном зеркале, порождал новые формы городской жизни.

Впервые русский человек, выйдя на границы своей ойкумены, смог взглянуть за свои пределы, по ту сторону:

...возникновение Санкт-Петербурга было равносильно открытию Нового Света: мыслящие люди того времени получили возможность взглянуть на самих себя и на народ как бы со стороны. Иными словами, этот город позволил им объективировать страну (Там же, с. 79–80).

Поэт-фланёр Бродский создавал свой городской текст. В том числе и свой калининградский-кёнигсбергский текст, дабы увидеть с помощью этого рефлексивного «зеркала» этот Город.

4. Кёнигсбергский текст и контекст

В настоящее время «кёнигсбергский — калининградский текст» (КТ) стал все более осмысляться как состоявшийся самостоятельный феномен наряду с «петербургским» и «московским» городскими текстами (Гильманов 2013; Черняков 2014; Гаврилина 2010 и др.). Этот текст, полагают некоторые исследователи, стал таким же «островным» текстом в русской литературе, каким становится и сам Кёнигсберг-Калининград среди городов, выступая таким пограничным-островным городом на краю империи. Постепенно кёнигсбергский текст осмысляется как такой же феномен, способный выполнять роль рефлексивного зеркала, каковым стал ПТ для Санкт-Петербурга. Различные исследователи, причисляя к представителям КТ таких авторов, как И. Кант, И. Гаман, С. Дах и другие, то есть собственно жителей города и гениев места, пытаются осмыслить феномен КТ как феномен культуры. Но читая эти работы, испытываешь дефицит видения города и человека в нем. Как правило, исследователи изучают КТ именно как литературный жанр, в котором есть свои произведения, персонажи, сюжеты и темы¹, но мы не видим самого города. Поэтому обратимся к

¹ Например, В.Х. Гильманов (2013) исследует в КТ тему спасения времени, пытаясь показать на примере анализа текстов И. Канта, С. Даха и других представителей КТ, что эти авторы видели призвание Кёнигсберга-Калининграда в силу своего пограничья стать неким топомосом — островом спасения. Также есть описание того, как устроено стихотворение И. Бродского на примере его кёнигсбергских стихов, у Т. Венцлова (2002), одним из первых введшего понятие КТ, или анализ А.Н. Черняковым (2014) романа Ю. Буйды (самая значимая фигура из современных творцов КТ) «Кёнигсберг». Вместе с тем испытываешь ощущение



тем случаям, когда город выступает главным героем, с которым человек-автор ведет разговор¹.

У Бродского есть три стихотворения, относящиеся как раз к «кёнигсбергскому тексту». Т. Венцлова считает, что Бродский оказался единственным в мире поэтом, сумевшим блистательно описать послевоенный Кёнигсберг-Калининград².

Вот его "Einem Alten Architekten in Rom" 1964 года («Одному старому архитектору в Риме» (изначально названо по-немецки!)).

Кёнигсберг присутствует в тексте как город-призрак, по которому поэт катается с некоей тенью в коляске:

В коляску, если только тень
действительно способна сесть в коляску
(особенно в такой дождливый день),
и если призрак переносит тряску,
и если лошадь упряжи не рвет, —
в коляску, под зонтом, без верха,
мы взгромоздимся молча и вперед
покатим по кварталам Кёнигсберга...

О чьей тени идет речь? Стихи написаны как послание старому архитектору в Рим. Тема Рима, города-архетипа, будет возникать у поэта периодически и дальше. «Старому архитектору» — означает, что архитектор заменил философа. Потому что речь о Городе³. Названо на немецком. Явная аллюзия к Канту. Если ты приезжаешь в Калининград, то ты неминуемо будешь думать о Канте. Хотя ты ни строчки из

ние, будто аналитика собственно произведений КТ становится в данных исследованиях самооценным предметом. В них не улавливается собственно сам Город и Человек в городе. Эти работы скорее относятся к региональному литературоведению, нежели к городской антропологии и гуманитарной урбанистике.

¹ Есть другие хорошие примеры попытки рассмотреть город сквозь рефлексивное зеркало КТ («оптики чувствования»). Это сделали Т.В. Цвигун и А.Н. Черняков (2022), увидевшие разный образ города сквозь разные опыты создания КТ у А. Болотова, И. Бродского и Ю. Буйды, и истолковавшие то, как разные авторы осваивали «Город К.», создавая его Миф.

² См. также работу Л.М. Гаврилиной (2010), в которой автор разбирает с опорой на анализ ПТ, данный у В.Н. Топорова, стихи Бродского, имея в виду, правда, «калининградский текст». Строго говоря, у поэта в явном виде речь идет о «кёнигсбергском тексте». Л.М. Гаврилина обсуждает в целом культурный феномен городского текста на примере «петербургского», «пермского», «калининградского текста», выявляя, в частности, «символическое ядро» КТ (2012).

³ Т. Венцлова допускает, что Бродский мог читать «Критику чистого разума, в которой есть глава «Архитектоника чистого разума», поэтому обыграл роли архитектора и философа. Подтверждений этому нет. Бродский, конечно, был весьма начитанным поэтом: еще в молодости он читал труднодоступного С. Киркегора на польском языке, также говорил Льву Лосеву, что читал М.М. Бахтина. Однако такая связка, полагаю, является больше продуктом воображения Венцлова.



его сочинений не читал. Философ давно стал гением места, открыткой города, его мифом, в пределе — и его заменителем. И все туристические маршруты обязательно учитывают посещение его могилы¹.

Поэт садится с тенью Канта в коляску и едет по... конечно, по Кёнигсбергу, не по Калининграду².

Тема «Вода и камень» здесь ключевая. Поэт на границе миров, на границе воды и земли. И на ней стоит город-камень, точнее то, что от него осталось, — руины Замка, а пешеход-поэт ногами перебирает эти «черепки», «щебень», «кирпичи», «осколки»...

Вокруг вся атмосфера — в воде, идет моросящий дождь, он кусает, «щиплет камень», точит, ест...

Вот поэт пересаживается из коляски в трамвай, он едет, в окно — опять руины замка.

...развалины глядят в окно вагона...

Тихо. И только слышно, как

Дождь моросит...

Дождь, вода, река... Много воды. А под ногами путника-пешехода-поэта — щебень, кирпич... Вокруг поэт видит лишь руины, щебень, осколки. Эхо бомбардировок 1944-го. Но, слава Богу,

Пир... пир бомбардировщиков утих...

Войны уже нет. Но Калининграда, нового города, в сознании поэта еще нет. Поэт его просто не видит. Он живет в образе того города, города-замка, города-камня, который был когда-то. Осталась тень, как осталась и тень философа. Это же 1964 год. Кант тогда был тоже тенью. Это сейчас, во времена юбилея философа, его вновь вспомнили...

Под ногами щебень и осколки, а над головой щебетанье птичек, имя которым тоже можно дать «Кёнигсберг». Почему нет, спрашивает поэт? Ничего ведь не осталось — «лишь кирпичи и щебень». Память стирается, как разрушается камень. Остается лишь... даже не голос, а щебетанье. Жизнь бушует снова, но она лишена «черт лица и гранита».

В этом городе-мифе живут тени, образы, вода, дождь, руины, кирпич, щебень... Из живых — лишь природные стихии, вода, дождь да птички. Город, по которому гуляет поэт, человеком не заселен. Как будто он ходит по городу-призраку, разве что молодой археолог собирает черепки. Но это же для любителей древностей. Черепки собирают на руинах, не в живом городе.

¹ В свои маршруты посещение могилы философа включают и молодожены, а это уже элемент карнавала. Свадебный кортеж приезжает на могилу. И к кому? К давно умершему философу. Это кажется странным. Но не для жителей Калининграда.

² Т. Венцлова (2002) также полагает, что речь идет о призрачной прогулке с Кантом по развалинам Кёнигсберга — как рефрен и отклик на старую, но реальную беседу Карамзина с философом.



Калининград поэт просто не видит. Но видит другой город, призрак, его тень.

Как видит тень своего отца Гамлет, которому эта тень завещает во время их свидания: «Прощай, прощай. И помни обо мне».

Кёнигсберг завещает Калининграду: *Прощай, прощай, и помни обо мне*. Младший брат, К2, как будто должен выполнить завещание, помнить об убитом когда-то старшем брате, городе К1. Если он не будет помнить, то река забвения затопит город, как мифическая Прегель во времена наводнения.

А поэтому, обращается поэт,

Но если ты не призрак, если ты
живая плоть, возьми урок с природы,
и, срисовав такой пейзаж в листы,
своей душе ищи другой структуры.
Отбрось кирпич, отбрось цемент, гранит,
разбитый в прах — и кем! — винтом крылатым,
на первый раз придав ей тот же вид,
Каким сейчас ты помнишь школьный атом...

Камню, кирпичу, щебню, разбитому «винтом крылатым», можно противопоставить лишь нетленную душу, исток жизни для которой — в чувстве о другом существе, живом и любимом, которое переживает поэт, бродя по развалинам. Лишь это спасает от тоски безвременья, покрывающей тебя в этих руинах. Если ты, конечно, сам не призрак, не тень, если ты живое существо, еще способное любить и помнить. В противном случае ты будешь как тот археолог, лишь собирать, описывать и классифицировать черепки в руинах, формировать из них гербарии мертвых форм. Хотя многие нынешние жители нового города К2 не делают и этого. Они просто ходят мимо и пинают эти черепки.

Спустя несколько лет поэт напишет стихотворение «Открытка из города К.», посвященное Томасу Венцлова. Здесь от города осталась одна первая буква.

Развалины есть праздник кислорода
и времени. Новейший Архимед
прибавить мог бы к старому закону,
что тело, помещенное в пространство,
пространством вытесняется.

Вода
дробит в зеркале пасмурном руины
Дворца Курфюрста и, небось, теперь
пророчествам реки он больше внимлет,
чем в те самоуверенные дни,
когда курфюрст его отгрохал.



Кто-то
среди развалин бродит, вороша
листву запрошлогоднюю. То — ветер,
как блудный сын, вернулся в отчий дом,
и сразу получил все письма.

1968 (?)

Тема воды и камня развивается. С одной стороны, замок, он в руинах, развалинах. Воздух, вода, ветер и время делают свое дело.

Ветер веет, «ворошит» листву, метафору ушедших дней, лет, десятилетий, столетий...

В этом стихотворении важен не только содержательный смысл, фактически выраженный в первых же строчках, но и ритмический. Это ритм неспешной пешеходной прогулки поэта-фланёра, который уже смирился с развалинами, но его туда все время тянет. Развалины замка еще оставались в 1968-м, затем снесут и их.

И сам стих вступает в рифму с тем стихом 1964 года, в котором «дождь щиплет камни», а здесь все так же:

Вода дробит в зеркале пасмурном руины...

Здесь человек совсем исчез. Остались только ветер и вода. Кёнигсберг, руинный, миражный, всякий раз восстанавливается в памяти и смыслах, а Калининград, физически реальный, постоянно нуждается в связке с этими руинами. Руины в камне, а в голове, в сознании человека, творящего образ К1, он восстанавливается, грезится, пусть и в превращенных формах, но в значимых и наполненных для жителя смыслах.

Эта наполненность проживается по-разному. В том числе и с использованием современных умных технологий. В юбилейный год Иммануил Кант вернулся в город таким, каким его никто никогда и не видел — он явился странным существом, аватаром, искусственным символом, созданным нейросетью. И вот весь город видит его в странном обличье. Изображения искусственного Канта соседствуют на рекламных щитах с информацией о гастролях заезжего театра (рис. 2).



Рис. 2. Кант-аватар на рекламном щите. Фото автора, 2024



А молодые и дерзкие дизайнеры и художники, привлекая опять же нейросеть, создают разные визуальные образы, обращая наше внимание на то, что когда-то говорил сам философ, делая его образы видимыми. И пусть это выглядит странно и непривычно, но мы переживаем даже некую переключку с тем руинным городом и тенью Канта, которых мы когда-то все старались забыть. В этих визуальных метафорах есть даже весьма наглядная переключка с руинами Бродского (рис. 3).



Рис. 3. Визуальный образ-иллюстрация цитаты И. Канта, созданный дизайнерами и нейросетью

5. Фланёрство как метод

Пока мы вели речь о городе как персонаже, представленном в текстах культуры, мы тем самым вообще-то читали не город. Мы читали созданные авторами в разное время тексты-посредники, в которых город представлен в образах и смыслах, рожденных этими авторами. Между нами и городом ставится вот это стекло-рефлектор, отражатель, и мы на самом деле перестаем видеть город как он есть. Мы читаем «Петербург» Андрея Белого или «Кёнигсберг-Калининград» Иосифа Бродского. Нам это, конечно, интересно. Но когда-то однажды нам предстоит выйти из трамвая, в котором катился Бродский, самим пойти под моросющим дождем по улицам и закоулкам реального города и начать чувствовать его своим телом, своими ногами, всем существом, то есть пытаться учиться жить вместе с городом одними ритмами, звуками, чувствами. А органом понимания города становится все наше тело — его еще предстоит настроить и вырастить на нем новый «функциональный орган», орган видения и слышания города, часть его большого тела. Только все мое тело и может быть соразмерным телу города.



Э. Амин и Н. Трифт предлагают читать повседневный город без посредника, городского текста, напрямую. Для этого они рекомендуют найти соответствующий инструмент для чтения, попытаться настроить оптику видения этого странного объекта, таковым не являющегося, поскольку мы, жители города, в нем постоянно живем. Требуется иная урбанистика, не урбанистика объектов, камня, инфраструктур, а урбанистика человеческих потоков, событий и ритмов жизни.

В основе этой урбанистики повседневного лежит ощущение необходимости уловить феноменальность, которую невозможно постичь сугубо теоретически, одними лишь умственными усилиями <...>. Повседневная урбанистика должна углубиться в переплетение плоти и камня, людей и нечеловеческих сущностей, каркасов и потоков, эмоций и практик (Амин, Трифт 2017, с. 18).

Дабы преодолеть привычный эссенциальный, объектный подход к городу, необходимо выстроить соответствующую оптику видения и ввести базовые метафоры города. Что есть Город? Авторы прибегают к метафоре, предложенной В. Беньямином, — *транзитивность*, точнее *пористость*. Тот ввел одним из первых фигуру фланёра, который постигает город феноменологически, изнутри, становясь живым органом понимания города.

В этом сдвиге оптики важна тонкая настройка, дабы почувствовать пористость города. Город — как *пористая губка*, сквозь которую протекают потоки жизни, времени, людей, сознания, капиталов и многого остального. Но каркас губки остается. Ты сжимаешь губку, из нее вытекает вода жизни, потом ты ее разжимаешь, и губка принимает вновь свою форму, чтобы пропитывать сквозь себя соки жизни.

Метафору пористого города Беньямин ввел на примере Неаполя, пористого города, постоянно открытого жизни, не завершенного. В нем переплетены день и ночь, сон и бодрствование, жизнь и смерть, в нем сквозит недооформленность и недосказанность. Очерк о Неаполе философ написал в 1925 году. Фланёрствуя по нему со своей подругой, он почувствовал, как настоящий фланёр, пористость этого города, его проницаемость, имея в виду пористость всей среды обитания, пористость образа жизни горожан, архитектуры, домов, улиц, всех структур повседневности:

Такая же пористая, как и этот камень, здесь архитектура. Строение и действие переходят друг в друга во дворах, галереях и на лестницах. Во всем ощущается пространство для маневра, обещающее стать ареной новых, невиданных событий. Во всем избегается окончательность, установленность. Ни одна ситуация не представляется задуманной навсегда, ни одна конфигурация не настаивает на том, чтобы быть «такой, а не иной». <...> ...ничто не доводится до завершения. Пористая податливость не только сочетается с беспечностью южного ремесленника, но и — прежде всего — со страстью к импровизации (Беньямин 2019, с. 42, 44).



Амин и Трифт выводят отсюда первую метафору города — транзитивность: именно транзитивность / пористость позволяет городу формировать и переформировывать свой облик, оставаясь постоянно живой формой жизни (2017, с. 19).

Правда, пористая губка, как мы уже сказали, постоянно возвращает себе свою мягкую и одновременно упругую форму. Важно при учете этой пористости / транзитивности не упустить форму целого, удерживающую это место обитания. Иначе город будет смыт потоками времени, после чего останется пустыня забвения.

Каким же способом, органом можно уловить изнутри эту транзитивность? Таковым *живым органом становится сам фланёр*, выступающий свидетелем, фиксирующим и пропускающим через себя потоки форм жизни. Традиционные инструменты, будь то карты, описания, модели, эту транзитивность / пористость не улавливают. Через фланёрские блуждания по городской повседневности улавливается то, чего не схватишь никакими объектными моделями и внешними описаниями (Там же, с. 20).

Вместе с тем авторы признают, что поэтики познания фланёра недостаточно. Транзитивность города должна быть схвачена дополнительными средствами¹. Какие-то из них могут быть вполне привычными — это фотографии, путеводители, рассказы очевидцев и проч.

Но это опять же инструменты, которые фланёр также может использовать. И возникает вопрос к самому фланёру. А он какими глазами смотрит на события? Он как орган — как видит город? Фланёр фланёру рознь. К слову сказать, первый петербургский текст в XIX веке создавался и первым фланёром — поэтом Пушкиным, известным ходоком, любившим гулять на дальние расстояния. А калининградский текст писался другим фланёром — поэтом Бродским.

Тогда мы переходим, как предлагают Амин и Трифт, к другому инструменту-метафоре — *ритм-анализу*. Фланёр, читающий своим телом городскую повседневность, вынужден прислушиваться и вживаться в ритмы городских потоков, в гул времени. Это ритмы присутствия и отсутствия.

Ритмы города фиксируются через периодичность, сменность потоков. В ритмах живёт повседневность. В ритмах живут люди, перемещающиеся вместе, сталкиваясь и перемешиваясь. Ритм-анализ дает чувство города, его пульс, его дыхание. Наверное, поэтому лучшие фланёры — это гуляющие поэты, блуждающие по улицам города, но облада-

¹ Важно также учитывать, что все же взгляд фланёра — это «взгляд отчужденного человека». Это отмечает и Беньямин (2019, с. 122). Этот взгляд скользит, блуждает, не претендуя на участное, заинтересованное отношение. Фланёр может чувствовать тело города изнутри, но его взгляд ни на чем не останавливается, а лишь фиксирует, как чувствительный датчик, измерительный прибор. Он не творит событий, не говорит голосами улицы, а лишь отмечает, фиксирует происходящее, не имея желания вторгаться в событие, дабы самому не стать героем улицы.



ющие тонким видением и слышанием, чувствующие ритмы города, поскольку и стихи тоже вышагиваются («я пишу стихи ногами»). Сначала поэт ловит гул-ритм, а потом последний выливается в ритмизованные строки.

Ритм стиха становится созвучным ритму городской повседневности, которую можно почувствовать лишь изнутри, став частью городских потоков.

Но мы обращаемся с вопросом к авторам, радеющим за фланёрство: как возможно прочитать город, не потеряв цельности его образа при таких ритмах и потоках? Как ритмы города комбинируются, складываются, из каких законов и глубинных процессов? Просто течение вместе с ритмами не дает понимания той самой формы пористой губки. Что удерживает город в его форме, причем так, чтобы не быть унесенным этими же потоками времени?

Амин и Трифт замечают, что у фланёра, как и у ритм-аналитика, нет точных инструментов и методов для улавливания ритмов и удержания городской повседневности воедино. В их распоряжении одни метафоры. Ритм-анализ охвачен потоками, ритмами, он позволяет жить в городских потоках своим чередом, отдаваясь разнообразию повседневности: «Он должен *позволить* жизни идти своим чередом, отдаться ее длительности, забыть в ней (А. Лефевр, цит. по: (Амин, Трифт 2017, с. 29); курсив в оригинале).

Здесь наши тонко чувствующие авторы чего-то не договаривают. Ведь чувство ритма и есть способ улавливания времени. А время и место (в единстве — хронотоп) — главные индикаторы городской повседневности. Но если пространство фланёр фиксирует своим присутствием при (или в) событии, проживая его изнутри, то время он чувствует ходом этого события, его течением. У наших авторов не достаёт тем самым главного индикатора оптики — событийности, включенности, участности. А именно этот индикатор выступает важнейшим признаком присутствия человека в городе (и в мире в целом), благодаря чему фланёр перестает быть зевакой праздным, а становится соучастником и даже творцом городской событийности. Про включенность и участность у наших авторов ничего не сказано. Но именно участная включенность — главнейший способ присутствия человека в городе. В силу этого городская повседневность становится не просто слепым потоком, но событийно окрашенной средой живого обитания, в которой мы начинаем видеть и слышать голоса живущих, жителей, горожан, а не только гулы и ритмы. Через участное включение и присутствие мы начинаем чувствовать и видеть живые лица соседей, прохожих, участников событий, вступать с ними в живой разговор и выстраивать с ними узы и нити жизни сообща.

Впрочем, сквозь метафоры пористости и ритма проглядывает и что-то человеческое — авторы предлагают третью метафору, город через *отпечатки*, следы человека, его следы и имена в повседневности. Не называя их артефактами, Амин и Трифт больше говорят о следах, именах, отпечатках, знаках: «пространственная и временная пористость города также открывает его для отпечатков прошлого и текущих связей



с внешним миром. <...> Город полон таких отпечатков одновременно, прямо-таки нагружен пространственно-временными маршрутами. <...> Такие маршруты позволяют узнать город» (Там же, с. 32–33).

Посредством метафоры отпечатков авторы приходят-таки к идее формы пористой губки — город обретает форму через множество таких фиксированных отпечатков, именовании, образов, имен, следов прошлого и настоящего.

Итак, Амин и Трифт с опорой на других авторов, попытались предложить иную парадигму Города, исходящую из концепта повседневности и представления о городе не как об объекте или системе архитектурных сооружений или сущностей, а как об особой форме коллективной жизни: «На самом базовом уровне мы можем говорить о жизни, о кипучей жизни как таковой, о совместности бытия существ» (Там же, с. 39).

Но Амин и Трифт, предлагая чувствительные метафоры, понимают, что их же дискурсу не хватает «методологической ясности». Оставим эту тему для другой работы. Мы же должны помнить, что парадигма урбанизма повседневности предполагает переход и к иного типа тексту, к иного типа городскому нарративу и, главное — к иного типа автору городских нарративов и к иного типа читателю городского текста. Такое понимание означает, что вышеназванный «петербургский текст», создаваемый в свое время художниками слова и выполнявший роль культурного посредника между городом и человеком, должен быть преодолен и дополнен или заменен иного типа городским текстом, создаваемым самими жителями города, включенными в городскую событийность. Такой городской текст гораздо более причудлив, мозаичен, это текст-палимпсест, но он и привычен любому горожанину, он постоянно переписывается горожанами и хранится в памяти городской событийности.

Важнейшим выводом в таком случае становится признание, что город есть скопление и столкновение точек, тел, существ, сетей, вариации которых бесконечны. Эти места «...лучше всего представлять не столько как устойчивые местоположения, сколько как *моменты столкновения*, не столько как “присутствия”, фиксированные в пространстве и времени, сколько как изменчивые события, завихрения и потоки взаимосвязи» (Там же, с. 41; курсив в оригинале).

Читать текст города — значит быть включенным в эти завихрения и потоки, становиться точкой, средоточием этих столкновений-событий, уметь фиксировать их своим существом и воплощать в рефлексивные следы памятования, становясь одновременно точкой-телом, носителем следов столкновений и их летописцем.

6. Авторы и читатели текста города

Подлинными авторами и читателями города становятся его горожане. Они его создают и пересоздают каждый день — событиями действий, голосов, посланий... Разумеется, у них это получается по-разному, часто в превращенной форме. Получается, например, что когда-то



священное место, знак памяти погибшим во время бомбардировок, поставленный у Кафедрального собора, становится просто столиком для стаканчика кофе (рис. 4). Кто-то ужаснется тому, что люди не чувствуют сакральности места. Но профанирование сакрального, входящее в повседневную жизнь, не уничтожает это место, а делает его живым, обжитым, в силу чего память не каменеет, а живет рядом.



Рис. 4. Крест памяти жертвам бомбардировок используется в качестве столика во время уикенда. Фестиваль «Янтарный уикенд». 2020. Из открытых источников

Также и Кант постоянно возвращается в город, селится в нем, живет рядом с горожанами невидимой тенью, знаком, намеком (рис. 5). Почти шепотом говорит с ними, но остается постоянным соседом, о котором город теперь уже все чаще и чаще вспоминает, что он есть.



Рис. 5. Знак на асфальте, показывающий место, где когда-то стоял дом, в котором жил Кант. Знак помечен на трамвайной линии, при повороте с Ленинского проспекта на ул. Шевченко, напротив гостиницы «Калининград». Сделан местными краеведами. Фото автора, 2024

Эти фактически существующие лишь в нашем воображении следы той тени философа, с которой Бродский катался в коляске по миражному Кёнигсбергу, постепенно помогают нам не просто восстанавливать город К1. Они помогают нам все лучше понимать самих себя. Реконструируя прогулки давно ушедшего Канта по несуществующему городу, мы восстанавливаем собственную память. И уже не кажутся забавными эти гуманитарные раскопки прогулок по исчезнувшим улочкам. Это выглядит уже вполне как реальная, воплощенная в действии пешеходная антропология с ныне живущими жителями и туристами, приезжающими в город. Гуляя по этим маршрутам, мы вспоминаем свои истоки и корни, а значит устанавливаем самих себя, свое место обитания (рис. 6).

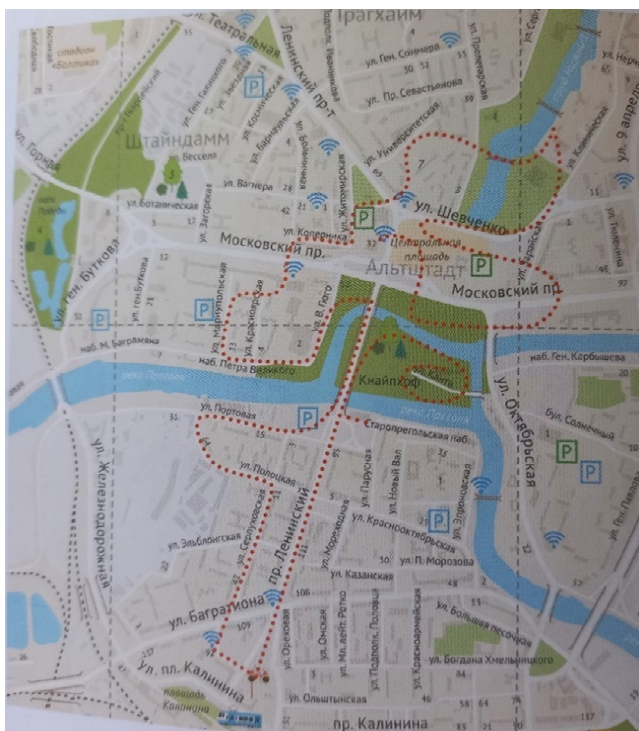


Рис. 6. Реконструкция прогулок Канта по Кёнигсбергу.

Источник: (Иммануил Кант... 2024).

Кант был одним из первых европейских фланёров. Вышагивая по улочкам Кёнигсберга, он ногами выстраивал архитектуру своей мысли. Фридрих Ницше позже призывал: «Усидчивость есть как раз *грех* против духа святого. Только *выхоженные* мысли имеют ценность» (Ницше 1990, с. 561).

Со времен перипатетиков философия, как и поэзия, жила в ходьбе. Но для этого нужно пространство. Философ, как и поэт, — скорее пешеход, нежели наездник или водитель. Кант, хотя и писал у себя в *прокуренном* кабинете «Критику чистого разума», но все же каждый день он ее параллельно выпагивал.



Мысль вынашивается. То есть вышагивается.

В этот момент человек, вынашивающий мысль или образ, встречается с Городом. Точнее, в этом месте и в этом моменте в нем рождается город, то есть человеческое начало. Потому что философу или поэту (в широком смысле — горожанину) удастся уловить тот смысл в этом моменте и в этом месте, а значит это место для этого и предназначено.

В хронотопе города должны быть эти места событийности.

Но фигура пешехода уходит из современных городов. Во многих американских городах нет тротуаров и бульваров. Жители предпочитают ездить на машинах. Бульвары и тротуары становятся редкостью.

Городу надо вернуть фигуру пешехода. Чтобы вернуть человека городу, а городу — человека, в город надо вернуть пешехода¹. Поскольку только пешеход осваивает город ногами, глазами, руками, всем телом. «Тела... пешеходов... следуя всем изгибам городского “текста”, записывают его...», как писал М. де Серто (2008, с. 25). Вышагивая по городу, пешеход присваивает себе город. А походка становится сравнимой с речевым актом-высказыванием, выступая уникальным, индивидуальным почерком пешехода.

Сравнение ходьбы с речевым актом позволит нам продвинуться дальше, не ограничиваясь лишь критикой карт и других графических репрезентаций. Ходьба относится к городу так же, как речевой акт — к языку (Там же, с. 28).

В современном Калининграде пешеходу найти место трудно. Опыт автора этих строк был не вполне удачным. Мне пришлось приложить изрядные усилия, чтобы добраться, дойти пешком от Южного вокзала до Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сначала попал на эстакаду, понял, что дальше нет тротуара. Пришлось вернуться, найти другую улицу. Кругом машины, дышать нечем. Ветер. Идешь по Ленинскому проспекту. Телом ощущаешь свою бездомность. Здесь фланёрам не место. Хочется побыстрее преодолеть длинное пространство. Или пересесть в машину. Марк Оже такие пространства называл «не-место»².

Это феномен, болезнь многих городов — наличие в них большого количества не-мест, пространств, в которых человек временно пребывает, через усилие, претерпевая их, поскольку там не живет. Как времен-

¹ См. замечательное эссе о феномене походки и пешеходности в культуре (Росман 2004).

² Строго говоря, такие транзитные пространства вообще лишены характеристик места, то есть обжитого, структурированного, человекообразного пространства. Это ничейные места, зоны отчуждения (Оже 2017), хотя они могут быть вполне комфортными (в аэропортах, на вокзалах). Человеку специально создают комфортные условия пребывания в этих переходных зонах, но изначально человек там чувствует себя как временщик, претерпевающий пребывание в них. Это хороший пример для сравнения всем городским антропологам и управленцам, чтобы показать, каким должен быть город, чтобы не быть не-местом.



но пребывает на вокзалах, в аэропортах, магазинах, коридорах, тоннелях, переходах... Есть целые города как не-место, в которых жизнь как бы пролетает, преодолевается. И люди живут там как на станции, в зале ожидания: вот переждем, побудем немного — и в Москву! В Москву! Как три сестры у Чехова.

Калининград не сразу раскрывается прибывшему в город фланёру. В пешем путешествии от Южного вокзала к БФУ он предстает типичным магистральным советским городом с выпрямленными улицами, проспектами, газами, машинами, ветрами-сквозняками.

Городу еще предстоит обрести своего человека, став ему соразмерным. А человеку — найти свой город, соразмерный ему.

Калининграду в этом смысле предстоит вновь обрести свое лицо. Для этого необходимо не только осваивать пустыри и необжитые пространства, но и начинать использовать старый контекст Кёнигсберга, встраивая его в повседневный городской текст, в места обитания со своим габитусом, характером, с тем, чтобы постепенно уже Калининград обретал свой почерк, свое лицо, свою походку. Р. Музиль как-то заметил: «Города, как и людей, узнают по походке».

Вот, например, как в центре города квартал «Рыбная деревня», использующий цитаты старого города, стал любимым местом туристов и жителей (рис. 7).



Рис. 7. Квартал «Рыбная деревня». Новая цитата со старым контекстом.
Фото автора, 2024

Или, например, превращение сохранившихся старых ворот в культурные объекты, в том числе с вкусовой функцией. Ведь у каждого го-



рода, кроме всего прочего, есть и свой вкус, свои запахи¹. Кёнигсберг ранее славился своим марципаном. В Бранденбургских воротах разместили маленький уютный Музей марципана (рис. 8). В нем стоят экспонаты, сделанные сплошь из марципана. Разумеется, из марципана сделаны и Кафедральный собор, и Кант, «наше все» (рис. 9).



Рис. 8. Бранденбургские ворота. В левой части размещен Музей марципана. Фото автора, 2024



Рис. 9. Вкус города. Экспонаты Музея марципана. Фото автора, 2024

¹ Города можно представить также и как места вкуса. Гастрономический туризм это хорошо знает. Один свидетель признавался: «Раньше в метро был совершенно особенный запах. Меня можно было спящим перенести в Париж, и я по этому запаху узнал бы, где нахожусь» (цит. по: Линднер 2018, с. 113). Эти запахи имеют свойство выветриваться. Автор этих строк однажды поймал «запах Москвы». Это было на мосту напротив кинотеатра «Ударник». Потом я периодически его ловил в разных местах: *Вот, Москвой запахло!* Потом этот запах исчез.



Но есть еще не-места, напоминающие жителям и туристам о старом городе, но не освоенные, не обжитые. Контекст города K1 настолько силен, что даже пустое не-место содержательно. Как, например, пустырь, на котором когда-то стоял Королевский замок. Теперь это пока пустырь, используемый под дикую парковку (под что же еще?). Слева еще в 2024 году находился бывший Дом Советов, так и не ставший символом советской власти (к настоящему времени здание уже снесено). Вдалеке виден Кафедральный собор на Кнайпхофе (ныне остров Канта) (рис. 10).



Рис. 10. Не-место. Пустырь на месте замка, используемый под парковку.
Фото автора, 2024

7. Вместо заключения

Этот город долгое время был местом силы оружия и власти, прусским форпостом. Но постепенно в нем же, внутри него, рождалась другая сила. Сначала был создан университет, крупнейший в Пруссии. Постепенно в университете стала зарождаться философская мысль. И однажды сквозь гул истории из города зазвучал совсем другой голос, голос философа Иммануила Канта, призывающий «к вечному миру». В городе власти и оружия — сугубо мирный призыв к вечному миру. И это были не просто «грезы духовидца». Это была кристальная, логически выстроенная, чеканная речь со строгим слогом. Речь на чистом прусском диалекте.

Городу еще предстоит найти своего вдумчивого читателя-ходока, своего фланёра, становящегося глазом, видящим его внутреннюю пористость. А ходоку еще предстоит стать таким фланёром, умеющим читать город, чувствовать его пористость и динамику.



Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

Список литературы

Амин, Э., Трифт, Н., 2017. *Города: переосмысляя городское*. М.; Нижний Новгород. [Amin, E. and Thrift, N., 2017. *Cities: Rethinking the Urban*. Moscow; Nizhny Novgorod (in Russ.).]

Беньямин, В., 2019. *Девять работ*. М. [Benjamin, W., 2019. *Nine Works*. Moscow (in Russ.).]

Бродский, И. А., 1999. *Меньше единицы: Избранные эссе*. М. [Brodsky, I. A., 1999. *Less than One: Selected Essays*. Moscow (in Russ.).]

Венцлова, Т., 2002. «Кёнигсбергский текст» русской литературы и кёнигсбергские стихи Иосифа Бродского. *Как работает стихотворение Бродского. Из исследований славистов на Западе*. М., с. 43–63. [Venclova, T., 2002. The “Königsberg Text” of Russian Literature and Joseph Brodsky’s Königsberg Poems. In: *How Brodsky’s Poem Works. From the Research of Slavists in the West*. Moscow, pp. 43–63 (in Russ.).]

Вик, М., 2004. *Закат Кёнигсберга: Свидетельство немецкого еврея*. Р. фон Майдель и М. Безродный (ред.), Ю. А. Волкова (пер.). СПб.; Потсдам. [Wieck, M., 2004. *The Decline of Königsberg: Testimony of a German Jew*. R. von Maydel and M. Bezrodny, eds. Translated by Yu. A. Volkova. St. Petersburg; Potsdam (in Russ.).]

Гаврилина, Л. М., 2010. Калининградский текст как метатекст культуры. *Кантовский сборник*, 3 (33), с. 64–79. [Gavrilina, L. M., 2010. The Kaliningrad Text as a Metatext of Culture. *Kantian Journal*, 3 (33), pp. 64–79 (in Russ.)] EDN: MVCDJH.

Гаврилина, Л. М., 2012. Символическое пространство «калининградского текста». *Вестник Томского государственного университета. История*, 2 (18), с. 66–72. [Gavrilina, L. M., 2012. Symbolic space of the “Kaliningrad text”. *Tomsk State University Journal of History*, 2 (18), pp. 66–72 (in Russ.)] EDN: OXTNOB.

Гильманов, В. Х., 2013. Хроносотериология «кёнигсбергского текста». *Слово.ру: балтийский акцент*, 4 (4), с. 93–114. [Gilmanov, V., 2013. The chronosoteriology of the Königsberg Text. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 4 (4), pp. 93–114 (in Russ.)] EDN: RVTBVF.

Иммануил Кант в Калининграде. *Путеводитель*, 2024. Калининград. [Immanuel Kant in Kaliningrad. *Guide*, 2024. Kaliningrad (in Russ.).]

Линднер, Р., 2018. Текстура, воображаемое, габитус: ключевые понятия культурного анализа в урбанистике. *Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике*. М., с. 101–116. [Linder, R., 2018. Texture, Imaginary, Habitus: Key Concepts of Cultural Analysis in Urban Studies. In: *The Logic of Cities: New Approaches to Urban Studies*. Moscow, pp. 101–116 (in Russ.).]

Ницше, Ф., 1990. *Сочинения в двух томах*. Т. 2. К. А. Свасьян (пер.). М. [Nietzsche, F., 1990. *Works. In two volumes*. Vol. 2. Translated by K. Swassjan. Moscow (in Russ.).]

Оже, М., 2017. *Не-места. Введение в антропологию гипермодерна*. А. Коннова (пер.). М. [Auger, M., 2017 *Non-Places. Introduction to the Anthropology of Hypermodernity*. Translated by A. Konnov. Moscow (in Russ.).]

Попадин, А., 2010. *Местное время 20:10. Прогулки по Калининграду: практическое пособие в 4 ч. с инклюзами и отступлениями*. Калининград. [Popadin, A., 2010. *Local time 20:10. Walks around Kaliningrad: a practical guide in 4 parts with inclusions and digressions*. Kaliningrad (in Russ.).]

Россман, В. И., 2004. «Дайте мне ступню Психеи...». *Человек*, 2, с. 123–132. [Rossmann, V. I., 2004. “Give me the foot of Psyche...” *Chelovek*, 2, pp. 123–132 (in Russ.)] EDN: OXUBAV.

Россман, В. И., 2004. «Дайте мне ступню Психеи...». *Человек*, 3, с. 106–114. [Rossmann, V. I., 2004. “Give me the foot of Psyche...” *Chelovek*, 3, pp. 106–114 (in Russ.)] EDN: OXUOPD.



Серто, де М., 2008. По городу пешком. *Социологическое обозрение*, 7 (2), с. 24–38. [Certeau, M. de, 2008. Walking Around the City. *Sociological Review*, 7 (2), pp. 24–38 (in Russ.)] EDN: JWUSGJ.

Смирнов, С. А., 2025. Философ в городе: Кант и Кёнигсберг. *ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики*, 2 (44), с. 72–104. [Smirnov, S. A., 2025. Philosopher in the City: Kant and Königsberg. *ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, 2 (44), pp. 72–104 (in Russ.)] <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2025-2-72-104>, EDN: МЕСМРІ.

Топоров, В. Н., 1993. Петербург и Петербургский текст русской литературы. *Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры*. Вып. 1. СПб., с. 205–235. [Toporov, V. N., 1993. Petersburg and the Petersburg Text of Russian Literature. In: *Metaphysics of Petersburg. Petersburg Readings on the Theory, History and Philosophy of Culture*. Issue 1. St. Petersburg, pp. 205–235 (in Russ.)].

Цвигун, Т. В., Черняков, А. Н., 2022. К геопоэтике города К.: оптики чувствования. *Слово.ру: балтийский акцент*, 13 (4), с. 111–123. [Tsvigun, T. V., Chernyakov, A. N., 2022. The geopolitics of the city K.: the optics of perception. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 13 (4), pp. 111–123 (in Russ.)] <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-4-8>, EDN: MCQARR.

Черняков, А. Н., 2014. Из города в миф («Кёнигсберг» Юрия Буйды). *Слово.ру: балтийский акцент*, 5 (2), с. 52–62. [Chernyakov, A. N., 2014. From a City to the Myth (Yu. Buida's "Koenigsberg"). *Slovo.ru: Baltic Accent*, 5 (2), pp. 52–62 (in Russ.)] EDN: SZSKBR.

Об авторе

Сергей Алевтинович Смирнов, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия; главный редактор журнала «Человек.RU».

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

Для цитирования:

Смирнов С. А. Калининградский текст глазами фланёра (контекст Кёнигсберга в тексте Калининграда) // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №4. С. 47–71. doi: 10.5922/2225-5346-2025-4-3.



ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

KALININGRAD TEXT THROUGH THE EYES OF A FLANEUR (KÖNIGSBERG CONTEXT IN THE TEXT OF KALININGRAD)

Sergei A. Smirnov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
8 Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russia
Submitted on 21.04.2025
Accepted on 15.07.2025
doi: 10.5922/2225-5346-2025-4-3

This paper attempts to conceptualize the city as both text and context – an interpretive construct jointly produced by the urban environment and its inhabitants in their search for self-understanding within a specific place and time. Using the example of the phenomenon of



the 'Petersburg text' and the emerging 'Königsberg-Kaliningrad text', it is shown that these texts play the role of a reflexive form-mirror in culture, helping the city comprehend itself. Using the example of Brodsky's poetics, the author shows how the Königsberg context clearly shines through the Kaliningrad text, without which the modern city is neither visible nor felt. At the same time, the author reveals that the usual means of understanding and comprehending the city and oneself in the city are not enough. New metaphors and tools are needed to help us understand the city. Among them are porosity, rhythm, and imprints. The article introduces the basic metaphor of the city as a porous sponge. It also presents the phenomenon of the flaneur as a special figure uniquely suited for phenomenological immersion in urban everyday life. Using the example of contemporary Kaliningrad, the article illustrates episodes from the city's everyday life and argues for the need to re-humanize the urban space, restoring a sense of proportion between the city and its inhabitants.

Keywords: city, urban text, person, flaneur, Saint Petersburg text, Kaliningrad text, Königsberg, Kaliningrad, Kant, Brodsky

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

The author

Dr Sergei A. Smirnov, Chief Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia; Editor-in-Chief of the Chelovek.RU.

ORCID ID: 0000-0002-2023-8855

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

To cite this article:

Smirnov, S. A., 2025, Kaliningrad text through the eyes of a flaneur (Königsberg context in the text of Kaliningrad), *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 4, pp. 47–71. doi: 10.5922/2225-5346-2025-4-3.



SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))